

Александр Александрович Никольский:

...Главная помощь нашего города фронту – продукция текстильных предприятий. Выпуск «военной» ткани обеспечивал 2-й ГЛАВК (2-е Главное Управление хлопчатобумажной промышленности). Мой папа работал там главным механиком. Каждую неделю две-три колонны из ЗИС-5 направлялись с громадными полутора километровыми тюками зеленой ткани из Иванова в Москву. Осенью 1941 года я вместе с отцом ездил в столицу с одной из этих колонн.. Мама была против... но папа убедил её, что поездка безопасна, в Москве стоят хорошие зенитки.

Запомнилось, как после несколько часов пути я откинул брезент и увидел, что вокруг совсем темно. «Папа! Скоро ли Москва?» - крикнул я. Он ответил: «А мы уже в Москве». Вот какой она была в то время – невидимой. Въезд в Москву и выезд из неё были запрещены. Но у отца был пропуск, а меня спрятали в одном из тюков в третьем грузовике. Папа сказал: «Если ты высунешься, тебя задержат здесь». Этим он меня крепко испугал. Слышу суровый голос: «Ваш пропуск! Откиньте брезент!» Шофер или папа откинули. «А, вы ивановцы?» - уже успокоительно. «Не первый раз встречаю ваши «караваны...» Нас пропустили. Я, наконец, высунулся из-под брезента. Вокруг все так же темно, было запрещено включать даже подфарники. Разгрузились...

Недалеко от ВДНХ жила моя тетка. Поехали к ней. Только начали раздеваться, слышим сирену. «Налет», сказала тетя. Все взрослые отправились на свои позиции: женщины на чердак, с ухватами или с граблями - принимать зажигательные бомбы и сбрасывать их через чердачное окно вниз. А внизу в боевой готовности мужчины, они щипцами хватали бомбы - красивейшие факелы, похожие на елочные украшения, и бросали в заготовленные ведра с песком, или просто засыпали на месте. Отработанная технология. «Сидеть, лежать, никуда не выходить» - была команда мне. Словно папа забыл, с кем он имеет дело: с мальчишкой тринадцати лет. Разве мог я утерпеть? Дверь была не заперта, и я тихонечко спустился и осторожно выглянул. Вот он, мой папка, стоит наготове. Где-то, еще не близко, слышалось гудение самолета. Мы уже разбирались по звукам, какой летит самолет – наш или немецкий. В этом нам помогали документальные съемки, которые показывали в кинотеатрах перед каждым художественным фильмом. Здесь, над Москвой, рычали фашистские. Заработали наши зенитки. Я видел черное небо, редкие облака и блестящие столбы прожекторов, шарящих по небу. И вдруг в один из столбов попал маленький такой, «игрушечный» самолёт – моноплан. Он висит, колеблется, пытается уйти. Поздно. Прожектора взяли его в тиски. Мгновение, и

раздается удар, глухой взрыв. Мы тоже по кинохронике знали, как должны взрываться немецкие самолеты. Из всей армады вырвался из огня с земли только один самолет, не успев сбросить ни одной бомбы. Но зенитки его достали – он взорвался в небе вместе с бомбами. Я засекаю направление, где он должен был упасть, и утром кинулся на то место – искать осколки. Ничего не нашел и вернулся с большим огорчением. Потом соседские мальчишки объяснили мне, что бежать туда надо было очень-очень рано, а так всё уже разобрали тамошние пацаны. И все-таки я привез из Москвы осколок. Его мне дала тетка на память, она ведь участвовала в гашении этих самых бомб и, одна из них, видимо, разорвалась совсем близко. Я этот осколок хранил много лет....